

В Чусовом я рано понял, что начинающему писателю страшно оставаться в глубокой провинции. Был я во время войны в госпитале, лежал закованный в гипсе. Голова соображает, а двигаться корка гипсовая не дает, сковала все суставы. Так вот — и провинция для литератора. Сколько замечательных молодых писателей так и не поднялись на серьезный уровень именно из-за того, что вовремя не смогли стряхнуть с себя провинциальную штукатурку.

Мне помогли добрые люди. Я переехал в Пермь. Но не надо понимать провинцию только как место жительство. У меня была огромная сила сопротивления. Огромная. Я страшно боролся, боролся сам с собой, боролся за то, чтобы не остановиться на месте, не привыкнуть к чему-то достигнутому. Я писал роман, хотя надо было и учиться, и зарабатывать на хлеб. Порой я совсем выбивался из сил, но не останавливался. Спасибо Марье Семеновне, она всегда мне была опорой и поддержкой.

Потом были годы не легче. Я окончил Высшие литературные курсы, опубликовал уже несколько весомых произведений, но почувствовал, что из Перми надо уезжать. Город закостенел, зазнался, а культурный уровень его, гляжу, все понижается и понижается. Помогли ребята, с которыми учился в Москве. Они позвали меня в Вологду. Там я про-

менения в природе, только, к сожалению, не в лучшую, а в худшую сторону. Думаю, что вопрос о литературе вплотную встанет в начале уже XXI века. Если мы только касались экологических проблем, то им придется уже решать эти проблемы, и не только литераторам, но и технарям, и физикам, и аграриям. Мы только обозначили веки, а перед ними не будет дилеммы — делать или нет, если они не спасут природу, нами измордованную, изуродованную в конце XX столетия, то и сами не спасутся, сами канут в Лету безвозвратно.

— Хотел бы я еще вернуться к родному Красноярью. Знаю, что вы многое делали и делаете не только в плане литературы. Общаетесь с артистами, художниками.

— Ты прав! Занимался и еще сейчас занимаюсь разными делами общественными. К примеру, спасал свою любимую и родную речку Ману. Когда я переехал в Овсянку, по ней сплавляли лес. Каково же это было кошунство — по красавице таежной речке сплавлять лес! Ай, ай, ай! Загадили дно речки, поывелась в ней рыба, пить воду стало невозможно, потому что топляки гниют. Начал я в колокол бить. Все вроде бы понимаю, что делаю гадость, а все равно делаю. Партийцы радуют за план, хозяйственники боятся, что им любую промашку КПСС не простит, но, не поверишь, труднее всего было разговари-

НАЧНЕТСЯ С КУЛЬТУРЫ

жил десять хороших лет, в хорошей писательской организации, рядом с Москвой. Тут я поднялся на ноги.

3. НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

— Сколько же лет, Виктор Петрович, вы живете в Красноярске?

— Так вот через несколько месяцев будет двадцать.

— Вы воспитали здесь целое поколение хороших писателей...

— С писательской краевой организацией у меня действительно была и остается постоянная связь. Не скажу, что мне кто-то надоедает, но приходят посоветоваться или когда крепко прижмет в жизни. Они знают, что я никаким торговством не занимаюсь, что для меня главное — это работа. Вижу, у кого Божья искра есть, стараюсь помочь, но хорошо помогать тому, кто сам вкалывает и хочет чего-то в жизни добиться. Такие ребята растут у нас, публикуются.

— Виктор Петрович, думаю, уместно будет сейчас спросить: почему вы вышли из Союза писателей?

— *Знаешь, решение это зрело не один день. Я ведь общался и общаюсь со многими литераторами, как столичными, так и периферийными. Везде есть хорошие ребята, но в целом писательская организация России крайне замусорена, ужасно разобщенная, принимают в нее по первому сборнику стихов или рассказов вечно подающих надежды мальчиков и девочек, тех, кого раньше считали графоманами, и справедливо считали. Теперь они публикуют свои опысы за деньги без квалифицированного редактирования и по этим книжкам проходят в союз. Не зря произносят сегодня такое, что у нас в России свыше 4 тысячи писателей. Глупость! Не может быть 4 тысячи писателей, не верю я этому, может быть, 14 писателей, 20, но никак не 4 тысячи.*

— *Последней каплей для меня был съезд писателей в Москве. Послушал я выступления разных литераторов, посмотрел, как они отождествляют себя с русским народом, как превозносят себя, что они — идейные вожди масс, их кумиры и инженеры их душ, и сказала себе: мне тут делать нечего. Не хочу стоять ни где. Я сам себе государство, сам себе человек в этом государстве. Поддерживаю связь с Красноярской писательской организацией — и то потому, что порой ей надо, вижу, помочь.*

Что только обо мне не писали и не пишут по этому поводу! Договорились некоторые «знаменитости», что я и еврейя продавался, и в татары ушел, и чуть ли не сектантом стал. Да, да, продавался, ушел, стал. Кому какое дело? Хоть горшком называйте, но не склочничайте, работайте, выдавайте хорошие книги, за которые не стыдно было бы называться писателями.

Процессы в современной литературе настолько сложны и многогранны, что любого литератора можно обругать за что угодно. Ну хотя бы за то, что я, скажем, не похож на Бунину или там на какого-нибудь Мартышкина. Да, не похож. Так ведь это же хорошо! И слава Богу! Сам себя я считаю человеком отсталым, примитивным, традиционным. Я из деревни, от земли. Они, те, кто злятся и ругаются, люди от асфальта, от нового города, от хрущевских домов, от высотных зданий, у них другая мораль, другое духосложение. Они не могут быть похожими на нас. Мы создавали свою литературу, худо-бедно, с муками, с тюрьмами, с пытками, с окровавленными окопами, с целинными походами. И вопреки всему создали-таки литературу не так уж и худую. Особенно деревенскую прозу. Им же надо начинать творить на асфальте, где трава с трудом пробивается на свет Божий. Мы ходили босиком по траве, а они ее видят только в трещинах асфальта. Время сложное, а точнее сказать — безвременье. Однако и в безвременье люди обзаются друг с другом, любят и ненавидят друг друга, рожают детей, умирают. Так же, как и всегда, происходят из-

меняться с трудящимися леспромпхозов и сплавконтор. Приеду к ним, убеждаю, стыжу, ругаю, а они себе смолят табак, кивают головами, а как уезжаю, берут пилу и снова валят лес. Привыкли они Ману обрубать, все притоки уже оголили. Профессия у них такая была, кормились рекой. Через прессу поднял на дыбы всю общественность, партхозактив убедил. Прекратили варварское истязание реки. Долго еще Мана не выздоровеет, но тут как-то я смотрел на нее — и душа радовалась: пескаришко в ней появился, харюзок заиграл на плесах, лесишко к берегам снова спустился. Красавица!

Кроме реки, я долго пробивал, чтобы в Овсянке открыли публичную библиотеку. Поселок-то большой, к нему теперь прилепилось еще два или три поселения. И эту проблему решил. Правда, газеты писали, что сделана библиотека на мои средства. Нет, не на мои средства, в то время у меня их просто не было, но при моем активном содействии. Есть там теперь и книги, есть галерея изобразительных искусств, есть маленький банкетный зальчик. Там ежегодно вручаются в торжественной обстановке премии моего, Астафьевского фонда. Нынче вот будут вручать человекам шести—семи, литераторам, художникам, композиторам, артистам.

Всего, дорогой, чем приходилось и приходится заниматься, не перечислишь. Да и не надо. Не славы ради добрые дела делаем на родной земле. Богом зачтется это. Каждый из нас должен честно нести свой крест. Я верю в одно, что во все времена и во всех странах возрождение нации начиналось с культуры. Будет это и у нас так.

— Виктор Петрович, знаю, что с вашим непосредственным участием была опубликована в альманахе «Енисей» считавшаяся безвозвратно потерянной повесть Зазубрина «Щепка».

— Да, был у нас в Енисейской губернии такой интересный писатель — Владимир Яковлевич Зазубрин. Он написал первый советский роман «Два мира», несколько рассказов и страшную обличительную повесть «Щепка» о красном терроре. Творил он в городе Канске. Но судьба его была типична для умных людей того времени. Его лелеял Горький, он сделал его редактором журнала «Колхозник», приобщил к себе. И вот как-то Горький пригласил Зазубрина в свои роскошные московские апартаменты. А туда наповоладились такие литературоведы, как Сталин, Ворошилов, Молотов. Они приехали к Горькому на посылки в литературный салон. На сей раз так оказалось, что Зазубрин был рядом со Сталиным. Разговор шел об успехах и недостатках российской литературы. Владимир Яковлевич возьми да и скажи, что вот, мол, у нас начинается процветать воспевание культа личности. Все сразу забеспокоились: что да как? А Зазубрин продолжает: «Да вот с нашего дорогого товарища Сталина пишут чуть ли не иконы». «Да, да, молодой человек, конечно, это очень нехорошо. Товарищ Сталин такой же, как все. Не годится нашей социалистической литературе позволять такое». И всё, биография Зазубрина на этом закончилась. Его арестовали. Товарищ Сталин не прощай подобных вещей даже своим родственникам. В 1938 году Владимира Яковлевича расстреляли без суда и следствия, предварительно измучив его до изнеможения.

Я дважды был в Канске. В домике, где жил Зазубрин, где он написал свои лучшие произведения, сейчас находится семенная лаборатория. Сделай музей там администрация города не видит возможности.

Мы еще долго говорили о знакомых литераторах и артистах, о природе нашего родного края, о речках Мане, Бирюсе, Абакане, где берут на мушку харюзки, ельчишки, а на блесну — ленки и таймешата. И вздыхал Виктор Петрович — далековато до лета! Но придет пора золотая — и, дай Бог, глядишь, и тряхнем еще стариной.

Альберт УРМАН

наш соб. корр. по Югу Сибири

АБАКАН — КРАСНОЯРСК — МОСКВА